

ТОРИ РУ

Мы пожалеешь

Тори Ру

Ты пожалеешь

<https://litres.ru/74214837>

Аннотация

Когда-то я жила в роскоши, не подозревая о темных семейных тайнах. Но привычный мир начал рушиться, как только я заглянула в глаза странного парня, оказавшего мне небольшую услугу.

Книга издана в бумажном варианте

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	51
Глава 10	58
Глава 11	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1

Июльское утро выдалось болезненно ярким, уставшие от бессонной ночи глаза не спасают даже черные очки.

Я сижу на пустой остановке общественного транспорта, скучаю и наблюдаю, как изнуренные жарой горожане с не меньшей тоской глядят на мир из нутра раскаленных автомобилей и автобусов.

Хвала небесам: сегодня мне никуда не нужно. То есть, конечно, после грандиозной ночной пьянки мне необходимо добраться до кровати, но вот беда, показываться дома в такую рань тоже нельзя. По официальной версии, сейчас я крепко сплю в гостевой комнате моей лучшей подруги Кати, к которой отец отпускает меня без вопросов.

Ему невдомек, что все лето после первого курса мы решили отрываться и ночью бармен смешал нам столько коктейлей, что даже сейчас, спустя несколько часов, мир вокруг продолжает покачиваться и уплывать.

От меня разит перегаром, длинные светлые волосы слиплись, потому что какой-то пьяный чувак под утро окатил меня пивом, блестящий откровенный топ вызывает неподдельный интерес у сонных прохожих.

Карманы набиты деньгами, телефон почти сдох.

Судя по часу пик, отец тоже вот-вот отправится на работу.

Значит, опасность встречи с ним скоро минует и мне можно будет выдвигаться домой.

Голова болит. Накатывает тошнота, с которой я пока чудом справляюсь.

Чувствую себя самым несчастным человеком во вселенной и всхлипываю от жалости к себе.

Я не люблю свой дом. Много ли в мире найдется людей, ненавидящих собственное жилище?

В сумочке пищит оповещение о полученном сообщении. Двумя пальцами выуживаю телефон из ее внутренностей и мучительно фокусируюсь на черных буквах.

«Ника, он супер!» — перед закрытием Катя слиняла из клуба с новым знакомым и теперь ведет прямой репортаж с места событий. Однако предпоследнее сообщение о том, что они направляются в его спальню, пришло всего десять минут назад. Видимо, не такой уж этот парень и шикарный...

В отличие от подруги, я глупости не творю: у меня есть жених. Его семья — владельцы строительной компании, занимающейся застройкой элитных районов в городе, а сам Артем сейчас отдыхает в Лондоне, в гостях у моего брата, с которым дружит с первого класса.

И мы являемся парой лишь фиктивно, но уже лет десять я живу с мыслью, что после окончания универа выйду замуж именно за него: самый обычный современный династический брак. А пока мы с Артемом раз в неделю говорим о погоде и на прочие нейтральные, никому не интересные те-

мы посредством видеозвонков.

А если откровенно, однажды, несколько месяцев назад, на закрытой вечеринке в его клубе я слишком перебрала пива, перепутала двери туалетов и, вломившись в мужской, увидела картину маслом: Артем зажимал в углу какую-то очень похожую на меня блондинку.

Я убежала, а он не стал догонять.

Потом я плакала и пускала пьяные сопли Кате в жилетку, а она объясняла, что мы — высшее общество, потому и должны быть выше всякой ревности. Наше предназначение — укреплять влияние семей и приумножать их состояние, а личное задвинуть на десятый план.

Легко говорить подобное, когда тебя не ждет участь свадьбы с кем-то, кому ты на фиг не нужна. Утешает только одно: пока Артем не предпринимает никаких шагов к более тесному общению, но в глубине души я бы не хотела, чтобы он их предпринимал.

Утираю ладонью нос и непослушными пальцами набираю сообщение:

«Я за тебя рада».

Глава 2

Стопу, переплетенную серебристыми кожаными ремешками, задевают прутья пластиковой метлы, и над головой раздаётся недовольное:

— Ноги!

Вздрагиваю, поднимая глаза и сквозь невыносимую яркость и бесполезность темных стекол пытаюсь разглядеть наглого дворника.

Совсем молодой парень, в драных кедах, по колено обрезанных джинсах и оранжевом спецжилете. Половину его лица закрывает козырек бейсболки и тень от него. Видимо, он из тех идиотов, что проводят лето, на полставки работая в коммунальных службах, чтобы поднять немного бабла на карманные расходы.

— Пошел ты! — фыркаю и мысленно продолжаю: «Ты хоть знаешь, кто я такая...»

— Эй, я понимаю, что тебя долбит отходняк, но прошу: просто отодвинь ноги, мне нужно убрать использованный контрацептив из-под твоей подошвы, — спокойно продолжает парень, и я в ужасе отпрыгиваю от скамейки.

Ну конечно же, под ней ничего нет, а он лишь ржет, пару раз проводит метлой по идеально чистому асфальту и отваливает к газону.

Меня разрывает на части от гнева, но моя беда в том, что

я тормоз: не могу сразу дать обидчику сдачи, а остроумный ответ придумываю слишком поздно.

Эту тупую ситуацию я еще не раз буду проигрывать в голове по ночам, представляя картины — одна веселее другой — о том, как дочка мэра все же ставит оборзевшего дворника на место парой метких обидных слов, а он в священном трепете извиняется.

Внезапно в поле зрения попадает черная «Ауди» с гербом нашего города под лобовым стеклом — папин служебный транспорт. Тачка резко перестраивается в правый ряд и тормозит в трех метрах от моего укрытия, а я мгновенно трезвею.

— Фак!.. — вскрикиваю в панике и, пока подъехавший автобус скрывает обзор, прячусь за остановку. — Чтоб меня!..

Судорожно оглядываю местность и умираю от ужаса. Папин водитель — дядя Леша — его правая рука. Он обязательно расскажет отцу, что видел принцессу в неподходящем месте в неподходящее время, и нашим с Катей загулам придет конец. И мне тоже придет конец.

Отец убьет меня: однажды ему уже пришлось пережить грандиозный скандал из-за легкомысленного поведения своего ребенка, и последствия аукаются до сих пор.

Если хоть одна душа узнает, как бурно я провожу досуг, в городе поднимется такой шум, что папа рискует остаться без должности.

Неслабый тычок в спину выбивает из легких воздух и отправляет меня в реденькие кусты у газона.

— Посиди пока тут, — быстро говорит наглый парень и вразвалочку выходит из-за остановки. К нему бежит дядя Леша, а я, чтобы не заорать и не выдать себя, затыкаю рот кулаком.

— Парень, ты не видел, куда делась девчонка, которая здесь только что стояла? — растерянно спрашивает папин водитель, и дворник пожимает плечами:

— Девчонка? Тут не было девчонки. Какая-то тетка лет сорока минуто назад села в автобус, и все. Больше никого не было.

— Точно?

— Ага.

— Показалось, что ли... Ну, бывай. — Водитель возвращается к моргающей аварийками машине, заводит мотор и уезжает.

Пульс медленно приходит в норму, и мой отравленный алкогольом мозг наконец припоминает, что на работу отцу не нужно — сегодня он отправляется в служебную командировку на несколько дней, и рейс его только в обед.

Похоже, сейчас этому нищему дворнику выпадет счастливая возможность выручить меня снова.

С достоинством выхожу из-за кустика и снимаю очки:

— Э-э-э, не подскажешь, где можно пересидеть незамеченной еще пару часов?

Он натягивает козырек бейсболки еще ниже и нагло улыбается.

— Так и быть, подскажу. Пойдем.

Я общаюсь с этим придурком от силы пять минут, но он уже до зубовного скрежета бесит. Катя бы быстро показала ему, кто есть кто, я же свой статус не выпячиваю и пользоваться им не умею, хотя во всем стараюсь соответствовать подруге.

Вскинув метлу на плечо, он разворачивается и молча уходит. Я вынуждена догонять и молиться, чтобы Катя ненароком не узнала об этом происшествии.

Парень идет в утопающие в зелени дворы, где за административными зданиями притаились старые двухэтажные постройки пятидесятих годов, открывает замшелую разбухшую дверь с торца крайнего дома и пропускает меня вперед:

— Прошу!

Вхожу в темное помещение, и запах плесени и отсыревших сигарет мгновенно впитывается в волосы и одежду. Брезгливо морщусь, озираюсь по сторонам и в полумраке различаю старый стол, стулья, серый облезлый диван, метлы, ведра, лейки и прочий инвентарь. Бывать в таком ужасном месте мне доселе не доводилось.

Парень падает на стул, закидывает ноги в пыльных кедах на полированную столешницу и закуривает.

— Тебе разве не нужно дальше работать? — Осторожно присаживаюсь на край дивана, и по спине пробегает холодок.

Надеюсь, я ничего тут не подхвачу...

— Перекур, — вальяжно отзывается новый знакомый. — Можешь предложить интересную тему для беседы. Только очень сомневаюсь, что ты на такое способна.

— Чего?! — У меня натурально отвисает челюсть. Он что, серьезно? Может, он один из тех ненормальных, кого принято называть городскими сумасшедшими?..

— Или так и будешь сидеть в тишине, краснеть удушливой волной и обливаться потом. Выбирай. — Он всем своим видом показывает, что не заинтересован во мне: курит и разглядывает убитые кеды. Связываться с ним себе дороже, но уязвленное самолюбие и коварный недосып вынуждают принять вызов.

— Краснеть? Даже не собиралась. Хочешь поговорить? Окей. Ну, и как же тебя — такого крутого и самоуверенного — занесло в этот гадюшник? — без всякого энтузиазма выдаю я. — Неужели нет занятий достойнее?

— А разве это не очевидно? Мне нужны деньги. — Парень выдыхает в потолок белый дым. — Ну, знаешь, чтобы есть, пить и покупать шмотки. Думаю, эти базовые потребности тебе знакомы, хотя ты, скорее всего, уверена, что блага берутся из воздуха. А таким, как я, приходится каждый день в гребаную рань вставать и пиликать на работу — и в жару, и в мороз, и в дождь.

То, о чем он толкует, так далеко от моего понимания жизни, что я теряюсь. Молодость дана человеку для учебы и раз-

влечений, а не для работы: это всегда было аксиомой, потому что родители ни в чем не отказывали нам с братом. Он попал в точку: блага действительно падали с неба. А несчастные вроде этого парня, существующие где-то в параллельной реальности, никогда не волновали меня.

Его губы кривятся в странной презрительной ухмылке. Видимо, прямо сейчас я должна ему что-то сказать, и я морожу глупость:

— Ну да, жизненные обстоятельства у всех разные. И могут толкнуть на крайности...

Парень снимает ноги со стола, тушит окурок об стену и выбрасывает в цветочный горшок. Подается вперед и оказывается в квадрате света, падающего из грязного окна.

Не до конца выветрившийся алкоголь играет со мной злую шутку или яркое солнце, которое сейчас светит ему в лицо, но я действительно позорно краснею и не могу вздохнуть.

У него обалденная внешность: резкие точеные скулы, чуть вздернутый нос, черные брови и огромные мрачные зеленые глаза без дна, которые моментально затягивают в мир безотчетной тоски и боли. Бог ты мой...

Он улыбается, и меня парализует.

— Не-а, не обстоятельства. А гнилые люди, с какого-то перепугу решившие, что им можно все.

Он резко встает, и я вздрагиваю.

— Долг зовет: пора дальше мести улицы. Можешь сидеть

тут до одиннадцати, но свали до прихода другой смены, иначе мне хана.

— Спа... — мямлю я, но он перебивает:

— Не благодари! — Забрасывает на плечо метлу и выходит.

Некоторое время я неподвижно сижу на уголке дивана и пытаюсь прогнать из мыслей его глаза. Жуть. До сих пор захватывает дух. Нормальные люди не могут так смотреть.

Достаю телефон, шарю по чужим страничкам в соцсетях, пока тот окончательно не подыхает, поднимаюсь, стряхиваю с задницы частички мха и пыль и выбираюсь на свет божий.

Ничего не изменилось: тот же утренний город слепит бликами оконных стекол, те же старые кривые деревья обступают дорожки, те же потоки машин неспешно текут по автомобильным развязкам. Но меня одолевает предчувствие чего-то фатального, а по коже ползут мурашки.

Влезаю в подошедший автобус, крепко держусь за поручень и, прислонившись лбом к пыльному дребезжащему стеклу средней площадки, думаю о случайном знакомом и нашем коротком, ничего не значащем диалоге.

Я не могу отделаться от зудящей вины, от ощущения, что прикоснулась грязной рукой к чему-то чистому, и новые эмоции вызывают дискомфорт.

Покидаю душный салон на своей остановке, медленно бреду вдоль аккуратных коттеджей с яркими цветами в палисадниках и молодыми туями, торчащими из зеленых газо-

нов, и стараюсь глубже дышать.

Спасаюсь в прохладе комнат, но даже в своем огромном доме не нахожу себе места: роняю вещи, натываюсь на предметы, долго ворочаюсь в кровати, и странные чувства теснятся в груди. Со мной что-то не так. Этот парень...

Глава 3

Просыпаюсь в три часа дня и с больной головой плетусь на кухню, готовлю себе чудовищно крепкий кофе и, взобравшись на барный стул у стойки, в одиночестве давлюсь бодрящим напитком.

Перед носом белеет записка с назиданиями от папы, но я игнорирую ее и открываю ноутбук: братишка Женя только что прислал новые фотографии своего лондонского быта.

Я всегда жду его сообщений с особенным трепетом — вот и сейчас внимательно просматриваю каждый кадр и не могу сдержать смех. Даже на расстоянии тысяч километров мы с ним на одной волне. Этой ночью брат тоже зависал в крутом клубе, о чем красноречиво свидетельствуют их с Артемом симпатичные пьяные лица на фоне батареи пустых стаканов.

Старший брат — единственный во всем мире человек, понимающий меня без слов.

Уже представляю, как он выслушивает мой рассказ об утреннем происшествии и приводит настроение в норму весьма обидными, но справедливыми шутками.

Грудь сдавливают тоска. Я скучаю, адски скучаю по Жене. И могла бы пожертвовать многим, лишь бы он вернулся и мы всей семьей традиционно поужинали в нашей давно опустевшей столовой...

Если бы только он был здесь. Если бы мама смогла побо-

роть рак тогда, три года назад. Если бы отец не ушел с головой в работу. Если бы, если бы...

Стою перед огромным зеркалом — порталом в другое измерение — и рассматриваю прозрачные усталые глаза в отражении. Когда-то они были ярко-голубыми и сияли, а сейчас мой затравленный взгляд похож, смертельно похож на такой же, познавший потерю, взгляд нереально зеленых глаз, о который я споткнулась сегодня утром. Со дна души поднимается муть.

Что за парень? Откуда столько высокомерия, холода и ненависти в этом ничтожестве? И почему, черт возьми, он так меня зацепил?

Я общительная девушка, не ханжа и не комплекую по пустякам. В нашей тусовке люди постоянно позволяют себе различные излишества, но я стараюсь вести правильную жизнь: отец — публичный человек, и мне нельзя его подводить. Я знаю, что после получения диплома выйду замуж за Артема и буду хорошей женой и мамой, даже несмотря на то что эта перспектива слегка напрягает обоих. Есть решения, не подлежащие обсуждению. Все просто будет так, и о других вариантах я никогда не задумывалась.

Может быть, новый знакомый нечаянно всколыхнул во мне странную память о чувствах, которые могли быть доступны, сложись моя жизнь по-другому? О параллельной вселенной, где я обитаю в одной из многоэтажных панелек в

спальном районе, езжу в универ на автобусе и имею возможность выбирать — с кем дружить и кого любить...

Тогда я бы точно не связалась с Артемом и после пар бежала на свидание к другому: к тому, кто действительно волнуется и интересен. К тому, кто свободен от условностей и предрассудков. К тому, кого люблю...

Сердце колотится как сумасшедшее — я фантазирую о возможности вырваться на свободу и рыцаре, который спасет меня от моей же семьи. У него зеленые глаза.

Горько усмехаюсь и отхожу от зеркала.

Какая глупость... Счастье с нищим мальчишкой возможно только в дешевых романах.

Закат за окнами угасает, красные квадраты на стенах и полу поглощает неотвратимо наползающая из углов темнота, сверчок заводит в саду свою монотонную трель, загораются первые звезды. Становится до тошноты тоскливо.

Папа вернется не раньше завтрашнего вечера, домработница взяла выходной.

Катя, похоже, с головой нырнула в новые отношения — не пишет и не звонит. Естественно, и этот роман не продлится дольше недели, но в состоянии влюбленности она забывает на все и вся, и уж тем более на меня.

Слоняюсь по пустому мертвому дому, заглядываю в холодные гулкие помещения гостевых и спален и, судорожно нашарив на стенах выключатели, зажигаю голубоватый яркий свет. Но он не развеивает тоску. Хочется кричать.

Мне срочно нужен рядом кто-то живой, иначе поедет крыша.

Сбегаю в свою комнату, расчесываю пятерней волосы, собираю их на затылке в небрежный пучок, но больше не утруждаюсь — не замазываю круги под глазами и не наношу макияж. Влезаю в скинни, кеды и серую толстовку, закрываю за собой тяжеленную дверь и вываливаюсь в душные сумерки.

Отец не приветствует мои поздние отлучки: официально разрешается бывать только у Кати — дочери ректора престижного вуза, где мы с ней, собственно, и учимся, но после смерти мамы он и сам не может подолгу находиться в одиночестве в нашем «фамильном гнезде».

Ловлю такси и еду до Центра, долго брожу по главной площади города, смотрю на розовые облака и бледную луну, памятники, фонтаны, елки и счастливые парочки, проходящие мимо.

Стараниями моего отца в нашем городе красиво. Мрачно и красиво, как на кладбище.

В свете фонарей трепещут призрачно-зеленые листья, вместе с их шумом ветер приносит гудки машин и обрывок песни: *«Я живая одинокая клетка. В четырех стенах другой, бетонной. Проводами телефонных линий связана, отгорожена рамой оконной...»*

Я бесцельно шагаю вперед, руки в карманах. Ника, девятнадцать лет. Неприкаянная душа без имени и возраста.

У полуразрушенных ступенек одинокий музыкант в черной бейсболке и рваных джинсах, прислонившись спиной к бетонной стене, играет на гитаре, и его чистый голос разносится по площади:

— Комфорт решает многое, но так пусто внутри
Живой одинокой клетки,
И другой, такой же, бетонной.
Стал говорить с ее стенами,
Пробовал лезть на них.
Кричал раме оконной.
Шаги безумия легки,
Но оглушают отзвуком пустой комнаты...*

Пронзительно до мурашек и до боли созвучно с моей тоской. Останавливаюсь, упорно выискиваю в кармане завалящую сотенку, наклоняюсь и кладу ее в кофр поверх россыпи мелочи и мятых бумажек.

Музыкант поднимает голову, смотрит на меня знакомыми, огромными сумрачными зелеными глазами, и я едва не приземляюсь задницей прямо на брусчатку, потому что ноги отказывают.

— И снова здравствуй! — усмехается он.

— Привет! — быстро отвечаю я и моргаю, прогоняя навязчивое.

Парень снимает с плеча гитару, выгребает из кофра деньги и укладывает ее внутрь.

— Я как раз закруглялся. Хочешь есть? — спрашивает он

буднично, словно мы сто лет знакомы.

Я действительно ничего не ела последние сутки, и желудок предательски сводит. Но гораздо сильнее мне не хочется возвращаться домой: появилась возможность хотя бы час побыть вне его стен, и я тут же за нее хватаюсь.

— Пожалуй, да... — Я начинаю тараторить: — Послушай, я хотела поблагодарить тебя за помощь! Утром не додумалась, а потом поняла, что мы, возможно, больше никогда не пересечемся... И стало стыдно. Как же хорошо, что мы снова встретились!

— Думаешь? — Станный вопрос загоняет в тупик и нехило пугает, но парень весело смеется: — Я же сказал, никогда меня не благодари. Пошли.

Мы идем через освещенную фонарями площадь. Скейтеры, сидящие на мраморе у фонтанов, кричат ему:

— Харм, уже сваливаешь? — И он на прощание поднимает руку.

Нагоняю нового знакомого и стараюсь идти в одном темпе, хоть это и тяжело.

— Как они тебя назвали? — Надеюсь хитростью выведать имя, но он отрезает:

— Меня все так зовут.

— Как — так? Я не расслышала... — Положение не позволяет мне выказать явную заинтересованность, но от кошмарного любопытства зудят кончики пальцев. В знакомстве ведь нет ничего унижительного и страшного...

— Харм, — бросает он, и я завожусь еще сильнее:

— Харм? Вред? Но почему?

Парень дергается, а я мгновенно прикусываю язык. Только теперь до меня доходит: он раздражен так, что, кажется, готов убивать, но только глубоко вздыхает:

— Потому что я ломаю все, к чему прикасаюсь.

— Я тоже бываю неуклюжей... Брат даже называл меня криворучкой. Кстати, меня зовут Ника. Очень приятно.

Харм незаинтересованно кивает.

Несмотря на гитару и рюкзак за спиной, идет он настолько быстро, что за время нашего короткого разговора мы оказываемся в темном, заросшем тополями и кустами сирени дворе за пределами площади. Никаких кафешек в этой местности нет и быть не может, и в животе холодным комком сжимается страх.

— Куда мы направляемся?

— Ты же хочешь есть? Вот и успокойся. — Харм тормозит у обшарпанного дома дореволюционной постройки и толкает деревянную дверь первого подъезда. В лицо ударяет холодная непроглядная тьма.

— Дай мне руку. — Он крепко хватает меня за запястье. — Иначе свернешь тут шею.

Зрение выведено из строя, от паники слабеют колени, но жесткий захват его пальцев успокаивает.

Доверие. В обычных обстоятельствах я никогда бы не пошла домой к первому встречному, да еще и такому странно-

му, но это прикосновение решило все.

По вереницам скошенных ступеней он тянет меня наверх, останавливается на площадке с выбитой лампочкой и, наконец, отпускает мою руку. Гремит ключами, подсвечивает замок зажигалкой, исчезает в черном проеме и щелкает выключателем. Шаг — и я оказываюсь в огромной старой квартире, похожей на музей.

Здесь давно не было ремонта: лепнина с коричневыми потеками потрескалась, позолота потускнела, выцветшие обои местами отошли от стен, углы захламили скопления коробок, а на поверхностях массивной резной мебели образовались залежи пыли.

Харм подталкивает меня вперед, обгоняет и включает свет на кухне.

Круглый стол, антикварные шкафчики, двухконфорочная плита с чугунной решеткой, допотопный абажур на потолке и пара разномастных венских стульев — вот и весь интерьер.

Я занимаю один из них, Харм вываливает из рюкзака пакеты с лапшой быстрого приготовления.

— Королевский ужин: бич-пакеты. С каким вкусом предпочитаешь? — По тону намерений не разобрать. Он серьезно?

Я вскидываю голову, но натыкаюсь на взгляд его огромных глаз. Он серьезно.

— Пожалуй... — Перебираю пачки и вчитываюсь в надписи на них. — Остановлю свой выбор на «Лагмане».

— Аналогично.

Он зажигает огонь под старинным медным чайником с мятым боком, падает на стул напротив меня и стягивает бейсболку.

Темная челка, выбритые виски и затылок, едва заметный пирсинг в брови и эти проклятые глаза... Красивый. Я физически ощущаю, как пропадаю, скатываюсь на американских горках и улетаю в космос. В присутствии Артема со мной такого почему-то никогда не случалось.

— Ты часто там играешь? — спрашиваю невпопад, получается пискляво.

Харм пожимает плечами:

— Да, часто. И не только там.

Чайник свистит, он забирает пачки нашего «королевского ужина» и отворачивается к плите. Любую информацию из него приходится вытягивать клещами, и это изрядно утомляет. Не хочет говорить о себе — не надо.

Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся, так что... даже не обидно.

Группа «7раса», «Клетка»

Глава 4

Мы молча доедаем лапшу из фарфоровых тарелок. Да, это тот самый — вредный, насыщенный углеводами и глутаматом натрия фастфуд для бедных, но, положив руку на сердце, ничего вкуснее я в жизни не ела.

Харм справляется быстрее, закидывает свою опустевшую посуду в чугунную раковину с черными пятнами сколов, подпирает ладонями подбородок и внезапно становится милым.

— Так что за дядя так испугал тебя утром?

Сказать ему, что я дочка мэра — не вариант. Его сразу как ветром сдует, а мне начинает нравиться присутствие этого пришельца в моей жизни. Решаю ограничиться полуправдой:

— Мы с подругой всю ночь зависали в клубе, а отцу я сказала, что собираюсь ночевать у нее. И что ее родители дома. Тот мужик — друг отца. Он чуть не запалил меня на остановке в таком непотребном виде. Если бы не ты...

— Проехали. А твоя мама?

— Мама у меня нет, — признаюсь и чувствую, как веки жжет от слез. В нашей семье не принято обсуждать ее уход: ни к чему лишний раз ковырять застарелые раны, горевать и показывать слабости.

— Эй, не плачь. У меня тоже нет матери, если это тебя

утешит. У меня вообще никого нет.

Он произносит страшные слова легко и весело. Дергаюсь и поднимая взгляд — Харм смотрит на меня в упор мрачными, полными боли глазами. И улыбается.

«Хотелось бы мне стать для тебя кем-то...» — проносится в закружившейся голове. Черт, да я бы все отдала, чтобы стать для него хоть кем-то.

— Как давно? — всхлипываю и никак не могу совладать со слезами. Мне жалко себя. Жалко его.

— Уже три года. — Харм задумчиво разглядывает меня. — Очень часто появляется желание повеситься в этой гребаной пустой квартире или другими способами убить мысли. Но нельзя. У меня еще есть планы, которые нужно довести до конца.

Я больше не могу выдержать его взгляд: бездонный, гипнотический, потусторонний. Кажется, для себя единственное, что имеет смысл, я только что нашла...

Открытие пугает до одури.

Хватаюсь за вилку, молча разделяюсь со своей лапшой, и Харм гостеприимно предлагает:

— Чаю?

Мне давно пора домой, но ночь завесила окна снаружи черными бархатными шторами, и я цепляюсь за повод задержаться в гостях хоть на час.

Харм принимает мое растерянное молчание за согласие, встает, зажигает под многострадальным чайником огонь. За-

сыпает в некогда роскошный, а сейчас потускневший заварник сухие травинки, заливает их кипятком, разливает отвар по фарфоровым чашкам и вручает одну из них мне.

Интуиция кричит: с ним и с этой ситуацией что-то не так...

Но под изучающим, берущим на слабо взглядом Харма я забираю горячую, окутанную паром чашку и делаю щедрый глоток.

После секундного головокружения немеют ноги, и я мямлю:

— Что это?..

— Зеленый чай, — улыбается Харм и берет меня за руку.

Через длинную прихожую он ведет меня в недра квартиры, сворачивает во вторую комнату слева и включает настенный светильник.

В комнате полный разгром: вещи торчат из резного черного шкафа, висят на старых венских стульях, горой свалены на огромном бархатном кресле. Клавиатура погребена под смятыми фантиками, алюминиевыми банками и пачками от сигарет. Кровать кое-как застелена коричневым клетчатым пледом, к стене прислонены электрогитары, а над ними нависают полки с потрепанными корешками многотомных изданий и угрюмые, написанные маслом пейзажи в массивных, потемневших от времени рамах.

Все вокруг плывет и качается. Я сажусь на кровать, проваливаюсь на пружинах почти до пола и растерянно гляжу на свои тонкие пальцы. Я почти не чувствую их. Харм валится

рядом:

— ты просто устала Ника, тебе нужно отдохнуть. Ты меня в чем-то обвиняешь?

Сердце мечется в груди, как испуганный заяц. Но я уже обижала Харма своим недоверием и больше не хочу, чтобы он считал меня напыщенной стервой. И ощущение отпечатков собственных грязных рук на чем-то чистом больше не перенесу.

Голова постепенно становится невесомой, мысли туманятся, путаются и выстраиваются в новые, парадоксальные цепочки, но происходящее воспринимается отчетливо и ясно.

В огромной, некогда шикарной квартире остановилось время. В ней живет заколдованный принц.

Харм лежит на спине, я сижу на нем верхом, ногтем обвожу завитки татуировок на его груди и плечах и смотрю в невозможно зеленые глаза. Татуировки разбегаются из-под пальцев и оживают под ними, приобретают новый смысл и одаривают тайными знаниями, тепло его тела сливается с моим, восприятие тает... Он улыбается. Я доверяю ему, несмотря на то что его улыбка где-то в глубинах души вызывает странный дискомфорт.

На Харме только черные джинсы с драными коленками, на мне — трусы и топ.

Неожиданно Харм садится, и мы оказываемся лицом к ли-

цу. Очень близко.

Он не притрагивался к косяку, но смотрит на меня так заволаживающе, что едет крыша.

Больше никакого отчуждения.

Мне очень нравится этот парень, и об этом я буду кричать на весь мир.

— Кто делал тебе татухи? — томно мурлычу, дотрагиваясь кончиком языка до горячей кожи и хихикаю как дурочка. Он ухмыляется:

— В основном набивал сам. Не люблю их: они меняют судьбу. Регулярно продолжаю только ради боли.

— Офигеть. — Становится не до смеха. — Набей и мне. Чтобы осталась на всю жизнь и ее изменила. Только без боли, пожалуйста. Ненавижу боль.

Он кивает.

Опускаю глаза на надпись под его ключицей, читаю вслух: Protect Me From What I Want и снова хохочу.

— Блин, Харм, ты со мной разговариваешь. Молчишь, но разговариваешь! — Я провожу пальцем по черной витиеватой фразе и люблюсь ею.

— Защити меня от того, чего я хочу, — шепчет Харм.

— Чего? — Ошарашенно смотрю в его лицо, но он смеется:

— Доношу смысл надписи! Видимо, у тебя хреново с английским.

Я впервые вижу его искренне смеющимся: он прекра-

сен настолько, что больно дышать. Восприятие слишком обострено, и нервные окончания взрываются от переизбытка красоты. Я сейчас вспыхну, умру, испарюсь.

Жуткое ощущение потери контроля ледяным ознобом проходится по спине.

Пытаюсь слезть с коленей Харма, но он держит руки сцепленными на моей пояснице и продолжает смотреть мне в глаза. А потом целует.

Глава 5

Яркое солнце и шум машин вклиниваются в беспокойный сон и разрывают его в клочья. Открываю глаза и пару секунд не могу пошевелиться под тяжестью осознания и стыда: меня окружает чужая захламленная комната, жуткая даже светлым летним утром.

Челюсть болит, а губы распухли: еще бы, ведь я полночи засовывала язык в рот едва знакомого парня, а он с тем же остервенением отвечал.

Он мог бы сделать со мной все что угодно, но не воспользовался моим согласием и... остановился. Оторвался от меня, и все внутри отозвалось на это болью, и просто пожелал спокойной ночи.

Ничего плохого не случилось. Мне понравилось быть с ним...

Пожалуй, больше не стану осуждать Катю.

Но сказки заканчиваются: прекрасный принц превратился в дворника, а принцессе пора обратно в замок.

Борюсь с продавленной сеткой старой кровати, и она издает ужасные звуки, вырываюсь из железного плена, сажусь на край и натягиваю кеды.

На сердце тепло и солнечно, хочется строить настоящие, а не картонные планы на будущее, в котором я смогу быть не сдержанной, чопорной и образцовой, а просто счастливой.

Харм офигенный. Я бы точно сорвалась в штопор и закрутилась с ним, не будь у меня обязательств.

Он уже успел куда-то испариться, и я оцениваю обстановку: антиквариат вперемешку с хламом. Нищета и отсутствие перспектив.

...Неприятие и осуждение, разочарование папы и куча проблем...

Вот что на самом деле я должна видеть, глядя в его глаза.

Внимание машинально концентрируется на нескольких книгах со странно знакомым оформлением, стопкой сложенных под столом.

Учебники. Похоже, ему только предстоит выпускной класс.

На мою пустую, гудящую голову тут же обрушивается неприглядная реальность: едва не замутить со школьником — это... полное дно! Хорошо бы отсюда поскорее свалить, иначе выжигающий нутро стыд превратит меня в горстку пепла.

Бесшумно выбираюсь в коридор, несколько мгновений не могу вспомнить планировку и наугад подаюсь вправо. Направление выбрано верно: впереди маячит входная дверь, но по пути к ней приходится миновать кухню. Харм сидит на подоконнике под раскрытой форточкой и выдыхает в летнее утро белый дым.

— Уже покидаешь мой скромный дом? — подает он голос, и я вздрагиваю.

— Ага... Тебе, наверное, нужно на работу?

— Сегодня — нет. Если хочешь продолжить — просто попроси... — Он нагло на меня смотрит. Куда делся понимающий нежный мальчик, легко проникший под кожу, его искренний смех и пронзительные слова? Надо мной снова издевается нищий дворник с манией величия.

Топчусь на месте и судорожно соображаю, как отшить циничного голодранца, чтобы ни ему, ни себе не оставить иллюзий. Решение находится быстро.

— Харм, скажи, пожалуйста, сколько тебе лет?

Он отщелкивает в форточку окурок и вздыхает:

— Ночью тебя это не волновало...

— Пожалуйста, ответь! — продолжаю настаивать, хотя под его цепким взглядом трудно не дать слабину и не начать каяться.

— Да расслабься ты. Мне уже два дня как восемнадцать.

Он ухмыляется, и эту скользкую ухмылку хочется стереть с его губ любым способом, а бездонные глаза обжигают ледяным равнодушием. В них вызов, холодная насмешка, и ничего больше. Тепло в моей душе заливает мутная вода. Все его вчерашние разговоры — банальный развод.

— Ты маргинал, да к тому же еще сопляк, черт бы тебя побрал!.. Я никогда ни о чем тебя не попрошу! — припечатываю и с превеликим облегчением вылетаю из убогой квартиры.

Глава 6

— То есть ты прямо сейчас ждешь меня в той дурацкой кафешке у торгового центра? — хрипло возмущается Катя.
— А ты в курсе, что я всего час назад легла спать?

— Катюнь, пожалуйста! Мне кажется, что я схожу с ума!
— быстро шепчу, прикрывая ладонью смартфон. — Вчера перед сном я вышла подышать свежим воздухом и нарвалась на очень занятого типа. Если приедешь, все в подробностях расскажу!

Катя любит быть в курсе личной жизни других и не может пропустить сенсацию.

— Оставайся там, — шумно вздыхает она. — Сейчас буду.
Ежусь, дергаюсь и ловлю на себе подозрительные взгляды еще толком не проснувшихся официантов — я ворвалась сюда сразу после открытия, чем нехило их разозлила.

Дерьмовый пережженный кофе обжигает глотку, у меня зудит сердце, зудит тело, скинни натирают живот, будто внезапно уменьшились в размере, или это я чересчур растолстела.

Мысли никак не обретут стройность, а эмоции — покой.
Харм... Дьявольское отродье. Его душа темна, история жизни покрыта мраком, цинизм непомерен, глаза прекрасны, а губы...

— Мне нужен не кофе! Мне нужна водка! — в отчаянии

рычу, но из-за кассы отвечают:

— Спиртное мы не продаем.

Вспыхиваю от стыда и собственной тупой никчемности. Ничего не было, но даже почти невинные развлечения сегоднешней ночи вывели меня из строя настолько, что понадобилась скорая помощь в лице бывалой Кати — мне нужно узнать, как она морально справляется с последствиями злоупотреблений и случайных связей, и попытаться успокоиться.

Дискомфорт внизу живота превращается в нестерпимое жжение. С грохотом отодвигаю стул и через весь пустой зал бегу в туалет.

В дамской комнате расстегиваю пояс и молнию на скинни и вдруг обнаруживаю под ней приклеенный пластырем слой пищевой пленки.

Какого хрена?!

Чертыхаюсь, быстро отдираю пластырь и пленку и различаю на коже черную надпись. Татуировка...

Не может быть. Да, я сама попросила, но... когда Харм успел?

Неужели я лежала в такой глубокой коме, что даже не почувствовала, как он ее набивал?

Поддерживая джинсы за шлевки, подпрыгиваю к зеркалу, приподнимаюсь на цыпочки и, прищурившись, пытаюсь разобрать в отражении перевернутые буквы.

I... w... a... I wanna become Harm for you.*

Ох, блин!..

Осознание бьет кулаком под дых. Перед глазами взвиваются разноцветные звездочки, в ушах шумит.

Плюю на палец, остервенело, до покраснения, тру надпись — она жутко болит, но не стирается.

Он чем-то меня опоил — в антикварных чашках был не просто зеленый чай!

Каким же надо быть моральным уродом, чтобы сотворить такое?

Эта фраза может стать большой проблемой, если Артем увидит ее.

Из шока и оцепенения меня выводит вибрация телефона. Катя уже здесь, и я, с невероятной скоростью влетев в студию принятия, смиренно тяну молнию вверх и для надежности прикрываю художества Харма толстовкой.

Натыкаясь на стулья и сшибая углы, спешу к подруге: та приветливо машет мне из-за дальнего столика.

— Дворник? Уличный музыкант? — Катя в ступоре в десятый раз за минуту заправляет за уши короткие светлые волосы. — Но это так на тебя не похоже!

— Ты не знаешь главного! Он... в школе учится!

Катя открывает рот, но не находит слов и забывает его закрыть. Похоже, мне в кои-то веки удалось избавиться от ампула серой мыши и ее поразить.

Я скидываю руки:

— Эй, ты его даже не видела! Он вполне тянет на взрослого! — пытаюсь оправдываться, хотя глубину своего падения в полной мере осознаю.

— Ты была пьяной?

О своем вчерашнем состоянии я никому не поведаю даже под страхом смерти, поэтому молча склоняю голову.

— Почему ты вообще пошла к нему? — Катя презрительно поднимает бровь, и я винюсь:

— Видимо, он умеет отключать мозги... И еще. Он набил мне татушку.

— Ч-чего?.. — заикается Катя. — Ты с ума сошла? Какую?

Заливаюсь краской, разглядываю трещины на пластиковой столешнице и мямлю:

— Написал, что типа хочет меня испортить... Как думаешь, Артем сможет это принять?

— Ты больная?!! Почему ты разрешила придурку это сделать? — вопит Катя, и официанты удивленно переглядываются.

— В том-то и дело. Я просто спала и ничего не почувствовала! Он вообще очень странный...

Кажется, Катя тоже впадает в глубокий в шок:

— Он чем-то тебя накачал. Маньяк. Тату можно перекрыть другим рисунком, но с ним встречаться больше не советую. Лучше скажи, что-то еще случилось?

— Ничего не было, — решительно заверяю. Катя никогда

не узнает, что я умоляла, но парень не захотел продолжения.

— Ты еще легко отделалась! — вздыхает она. — Неделю назад в лесопарке девочку с истфака нашли. Задушенной!..

Меня трясет. Глушу уже третий стакан американо, что, естественно, никак не способствует успокоению, и сама уже верю, что Харм — не обычная самодовольная сволочь с хреновым чувством юмора, а поехавший маньяк, желавший моей смерти.

— Эй, Ника, послушай. — Катя перехватывает мой бегущий взгляд, тепло улыбается и посылает лучи позитива. — Не переживай. Я тоже сто раз нарывалась на неадекватов. Сколько у тебя шансов снова его увидеть, если не пытаться намеренно искать встречи?

— Думаю, немного...

— Просто не ходи больше по тем местам, где он машет метлой или побирается, и ты никогда с ним не столкнешься. В такой ситуации это будет разумным. Вспомни ту жуткую историю про твоего брата и его сумасшедшую преследовательницу... Вот до такого ситуацию уж точно доводить не стоит.

— Да, ты права... — Я морщусь от неприятных воспоминаний и залпом приканчиваю остывший кофе. — Такие проблемы мне не нужны.

* Я хочу стать для тебя вредом (Я хочу причинить тебе вред)

Глава 7

Когда-то моя реальность была другой: легкой и радостной, наполненной воздухом, солнцем и смехом.

Тогда у меня была мама. И брат.

Женя учился на инязе и вел насыщенную жизнь: участвовал в конференциях и массовых мероприятиях, был «лицом» факультета, и окружающие не чаяли в нем души. На четвертом курсе он познакомился с девушкой по имени Маша, случился бурный роман. Брат говорил, что поначалу все складывалось отлично, но примерно через полгода в ее поведении обнаружились странности: проявились немотивированная агрессия, обидчивость, ревность, а потом сумасшедшая перешла на прямой шантаж.

Брат пытался закончить токсичные отношения мирным путем, но девушка не хотела его отпускать: преследовала, запугивала, закатывала истерики. Женя страшно переживал, однако остался непреклонен.

И тогда она написала записку, в которой обвинила его в своей смерти и шагнула с крыши.

Брата долго мотали по допросам, заставляли признать вину. Въедливый следователь, превысив полномочия, вламывался в дом и угрожал, что лично посадит Женю. Но папа подключил связи, и уголовное дело не дошло до суда.

Очень быстро эта история переместилась в нашей семье

на второй план, потому что примерно в то же время у мамы диагностировали рак. Молодая цветущая женщина сгорела за три месяца.

А потом Жене выпала шикарная возможность уехать в Лондон, где ему предложили работу переводчика в престижной русско-британской фирме, и мы с папой остались одни.

В этом году лето выдалось изнуряюще душным и жарким: ливни сменяются зноем, зной — проливным дождем. Дни идут своим чередом, правда, после того как Катя решила, что я нарвалась на самого настоящего маньяка, наши загулы по ночным клубам резко сошли на нет.

Теперь мы три раза в неделю посещаем тренажерный зал, вечерами зависаем в гостях друг у друга и иногда устраиваем «межконтинентальные» пьянки с Женей и Артемом посредством видеозвонков. Кажется, Женя нашел себе некую очаровательную британку (надолго ли?), но старательно увиливает от разговоров на амурные темы, а Артем чересчур охотно и подробно расспрашивает меня о делах, вызывая изжогу.

— Ника, до свидания! — кричит из прихожей проходящая домработница и закрывает за собой дверь.

Комнаты погружаются в звенящую тишину, и сегодня, в годовщину маминого ухода, она особенно невыносима.

Три года прошло с тех пор, как я в последний раз слышала родной голос, чувствовала тепло заботливых рук, поддержку, любовь и защиту. Хотя кого я обманываю: все это ушло

гораздо раньше. Месяц до черного дня мама провела практически без сознания: исчезая, отдаляясь и неотвратно погружаясь в вечный сон. Мы были вымотаны до равнодушия. Когда она умерла, я даже не плакала.

Новое городское кладбище расположено прямо за нашим коттеджным поселком, и сразу после завтрака я спешу туда. Ползаю на четвереньках, старательно пропалываю траву на могиле, выбрасываю старые, полинявшие искусственные цветы и буравлю землю проволочными стеблями новых.

Я здесь, но мне нечего рассказать маме. Загулы, лето, папа, Артем... Я в стороне от всего и всех, со мной ничего не происходит. Я сама не позволяю ничему произойти.

Единственное, чем мне бы хотелось с ней поделиться — воспоминание о том июльском дне, когда я ненадолго сумела выбраться из панциря обязанностей, обещаний и здравого смысла. И отпустила чувства на волю...

Вытираю пыль с нацарапанного на граните лица, удовлетворенно киваю и, петляя среди оград, бреду обратно к кованым заборам поселка.

По заведенной три года назад традиции, в этот день отец нагружает себя непосильной работой, лично выезжает на объекты и возвращается за полночь. Нужно продержаться в пустом огромном доме несколько пустяковых часов. Не сбегать, не сойти с ума и не завывать от тоски.

Но чем дольше я нахожусь в нем, создавая иллюзию жизни, тем тяжелее становится на душе.

Зашториваю в спальне окна и заваливаюсь на кровать. Знаю, что не смогу отвлечься от тяжких мыслей и задремать, но упорно держу глаза закрытыми и утопаю в фантазиях, ускользая в иную реальность. Там Харм. Ледяной красавчик. Как много он на самом деле понял обо мне? Он понял все...

Я пыталась изображать надменную богатую суку, но играла неубедительно. Заигралась и нечаянно влюбилась в него, и это проблема. Настолько огромная, что делает почти невозможными мои давно продуманные планы на будущее и счастливый договорной брак.

О встрече с ним теперь напоминает только татуировка, способная действительно изменить мою жизнь. Или даже сломать.

I wanna become Harm for you.

Зачем он ее сделал? Какой смысл вложил? Поглумился и так по-скотски отомстил за высокомерие?

Я хотела перекрыть эту надпись: дважды записывалась в тату-салоны и даже выбирала эскизы с милыми розочками, но к назначенному времени не пошла. И придумать складную причину отказа не смогла даже для себя.

Наступают сумерки, из углов, закоулков, ниш выползают злые духи и вязкая темнота; желание сбежать из дома становится непреодолимым.

Слава богу, торговые центры работают допоздна: еще утром папа оставил мне подарочную карту ближайшего ТРЦ и сказал, что я могу потратить все средства, лежащие на сче-

ту. Шоппинг — самое действенное средство для поднятия настроения. Так говорила мама.

Глава 8

Окруженная зеркалами и плотной ширмой, стою в тесной примерочной, с тоской разглядываю бледное лицо в отражении и разочарованно вздыхаю. Все выбранные платья, включая то, что сейчас на мне, висят на моем теле как на вешалке.

Ходить с мамой по бутикам было нашим любимым занятием: мама долго кружилась перед зеркалами, со всех сторон рассматривая идеально сидевшие костюмы и платья, а я, тайком отодвинув шторку, с восторгом наблюдала за ней.

В отличие от папы, она никогда не забывала, что у меня есть собственные потребности, стремления и планы. Что у меня есть душа.

А сейчас мамы нет. И я нигде не могу ее найти. Ее нет даже там, под горкой земли, которую я сегодня так усердно украшала неживыми цветами. Ее нет. Я одна.

Остаться в одиночестве — самое страшное, что может случиться с человеком.

На глаза наворачиваются слезы.

Ухожу из шумного торгового центра и, засунув руки в карманы худи, ни с чем бреду к площади.

Давно стемнело, зажглись фонари и окна окрестных зданий, теплый воздух, наполненный сладко-горькими ароматами цветов, колыхается над остывающим асфальтом.

Мама любила цветы, и после ее смерти город украсили

тысячи клумб, на фоне которых теперь фотографируются счастливые молодожены.

Легкий ветер раздувает ворохи конфетти у ступеней Дворца бракосочетания, гонит блески по дорожкам и посыпает ими газоны. В призрачном свете неоновых ламп вокруг сияет и переливается вся земля.

Папа устал бороться с традицией взрывать возле ЗАГСов хлопушки, но людям так важно верить в сказку со счастливым концом под названием «Они жили долго и счастливо...»

Мне нестерпимо хочется обнять папу, сказать, что он не одинок, что я понимаю его боль и никогда не доставлю беспокойства. А горожане ценят его старания и не верят заказным статьям продажных журналистов.

Я обещала Кате и себе, что буду избегать это место, но ноги сами идут к полуразрушенной лестнице за фонтаном. Знаю, кто мне нужен рядом прямо сейчас. Знаю, кому под силу отвлечь меня от ужасающей скорби.

К счастью, под лестницей никого не оказывается.

— Ух, ладно! — Я словно просыпаюсь. Только что я металась по площади в поисках едва знакомого сопляка и придурка в надежде, что он меня утешит. Смеюсь и плачу, а слезы, нашедшие выход наружу, текут и текут.

Опускаюсь на пустую, окруженную кустами шиповника скамейку, вдыхаю медовый запах ягод и смотрю в черное небо с еле заметными точками звезд. Но тут же слышу шаги, замираю в ожидании и узнаю силуэт.

Харм.

Он открывает кофр, достает гитару и вешает на плечо. Опирается спиной и подошвой ботинка о разрисованную граффити стену и начинает петь:

— I am the key to the lock in your house
That keeps your toys in the basement
And if you get too far inside
You'll only see my reflection.*

Он не прав, с английским у меня порядок. От текста этой песни становится жутко и тошно, возникает желание сбежать и спрятаться, но вместо этого я еще крепче прирастаю к скамейке.

Проходящие мимо люди бросают в кофр деньги, чистый голос Харма возносится еще выше и срывается на хрип:

— And either way you turn
I'll be there
Open up your skull
I'll be there
Climbing up the walls.**

Он продает за гроши свою душу, даже его поза похожа на позу снимающейся шлюхи.

Меня находит и пронзает его взгляд, и по спине пробегает холодок.

Харм зажимает последний аккорд, кивает мне и улыбается. В свете фонаря его улыбка кажется дьявольской.

Да что же со мной такое, откуда приступы паранойи? Он

— просто мальчик, с которым у меня случилась глупая, но приятная интрижка. Почему бы снова не скоротать с ним время за болтовней ни о чем?

Харм стаскивает с плеча ремень, прислоняет гитару к раскрашенному бетону, подходит ко мне, садится рядом и тихо спрашивает:

— Что случилось? Почему ревешь?

Воздух покидает легкие, голова кружится.

— Да так. — Я разглядываю свои руки. — Тяжелый день.

— И поэтому ты искала меня?

Хочу возразить, но не делаю этого. Я ведь действительно искала именно его.

— Не пойми неправильно. Мне просто нужно с кем-нибудь поговорить.

— Ну тогда говори, — отзывается он без всяких эмоций.

В нашей семье не принято обсуждать проблемы и выносить сор из избы. Но Харм поймет: он знает, что такое терять близких. Он рядом, и его чумовой парфюм обжигает мои до предела взвинченные нервы.

— Сегодня третья годовщина смерти мамы.

— Соболезную. — Харм дотрагивается до моего плеча.

— Это очень хреново.

— Боль уже почти сошла на нет. Но иногда кажется, что она сошла на нет вместе со всей моей жизнью. Все так тупо... Картонно. Никаких эмоций. Мои близкие боятся их проявлять и предпочитают справляться поодиночке... — Я снова

срываюсь на плач. — Может, им действительно на меня пофиг, а?

Харм молчит и позволяет мне выплакаться. Видит Бог, большего от него и не требовалось.

Отчаяние смывает волной благодарности, трепета и нестерпимого тепла, но в следующее мгновение волшебное единение рушится.

— Эм-м... Ника?.. — Харм двигается ближе. — Ответь, пожалуйста, почему ты рассказываешь все это тупому нищему сопляку, который не дотягивает до твоих стандартов?

Я вздрагиваю, словно от стакана ледяной воды в лицо. Однако неплохо было бы и мне задаться этим вопросом, только намного раньше.

Вдыхаю побольше кислорода и решаюсь быть до конца честной:

— Не знаю. Когда ты рядом, все становится другим: не таким безразличным и безликим. У моего существования словно появляется смысл. И я... доверяю тебе.

Смотрю на него, и в темно-зеленых глазах на долю секунды мелькает замешательство. Но мальчик этот — лицемер, мастерски владеющий чувствами, и уже миг спустя больше нельзя разгадать его взгляд. Могу поклясться: так дети смотрят на муху, прежде чем оторвать ее крылышки.

Он двигается еще ближе, резко подается вперед и вдруг обрушивает свои губы на мои. Поцелуй получается то иступленным — на грани укуса, то нежным и сладким, как

смертельный яд. Сердце сжимается в болезненный комок и не бьется. Один удар — и оно взорвется и разлетится на ку-сочки.

«Что ты делаешь...»

Свобода, любовь, пьяная юность, риск и восторг — в этом поцелуе все. Все это есть у Харма. И он мог бы поделиться со мной хоть частичкой...

Хватаю его за плечи, притягиваю к себе, и слезы сплош-ным потоком катятся по щекам. Я целую его в ответ со всей болью и одиночеством, обнажаю душу и ныряю в омут, но он перестает отвечать, улыбается и шепчет:

— Кому-то полегчало, аллилуйя. — Его издевательская улыбка отзывается в груди страшной обидой. — Значит, в прошлый раз тебе так понравилось со мной кувыраться, что ты месяц не могла прийти в себя? Отчасти понимаю: я еще и не такое умею...

Резко отстраняюсь, пытаюсь вдохнуть и проглотить вы-росший в горле комок. Разочарование разъедает кровь почи-ще кислоты, губы немеют.

— Харм, ты скотина... — шиплю через сведенные спаз-мом связки.

Он беспечно пожимает плечами и делает вид, что в мире нет ничего интереснее его кефов.

— Знаешь, кто ты? Чертов маньяк! Ты чем-то меня до беспамятства накачал и изуродовал!

— Изуродовал? О чем речь? — искренне недоумевает он.

— О том, что ты со мной сделал!

— Ты про татуху? Я всего лишь в лучшем виде исполнил твоё пожелание: без боли и на долгую память! — Харм пытается изобразить уязвленность, но на самом деле продолжает глумиться. — Значит, так ты благодаришь тех, кто вызвался помочь?

...Какой-то уличный музыкант только что довел до слез глупую доверчивую дочку мэра и, не скрывая удовлетворения, наблюдает за её истерикой.

Сжимаю кулаки и перебиваю:

— Так что же это было? Хлороформ? Запрещенка?!!

— Зеленый чай с мятой! — Он давится смешком, но тут же становится серьезным и невинно хлопает глазами: — Когда я её набивал, в моем арсенале был только «Препкаин». И твой здоровый сон.

Я не верю ни единому лживому слову. Хочется раздавить его. Унизить так же, как он унизил меня. Вскрываю, нахожу в сумочке тысячную купюру, комкаю и бросаю в кофр.

— Вот! Это тебе за услуги! Большого ты не стоишь!

Разворачиваюсь и ухожу, но с опаской прислушиваюсь к шагам за спиной. Катя права: такие, как он, могут запросто накинуть на шею удавку.

* Я — ключ к замку в твоём доме,
где в подвале хранятся твои игрушки.
И если ты зайдёшь далеко внутрь,

ты увидишь только мое отражение.

** И на какую бы ты не свернула дорогу,
я буду там.

Вскрой себе череп,

я буду там,

карабкаясь по стенам (группа Radiohead, Climbing Up the

Walls).

Глава 9

Вопреки обстоятельствам, я иду по жизни с гордо поднятой головой: смеюсь через боль, по-прежнему тесно общаюсь с Катей, поддерживаю связь с Женей, стараюсь уделять больше времени уставшему, резко постаревшему отцу.

У него очень много дел: телефонные звонки донимают даже ночами, в кабинете прибавилось бумаг, и тихие семейные ужины на две персоны теперь случаются нечасто.

Готовлюсь к новому учебному году: составляю из шмоток комплекты на каждый день, покупаю удобную обувь, выбираю вместительную сумку и тетради с прикольными обложками.

В саду за окнами уже маячит август, до приезда Артема осталось три недели, что не может не радовать. Пусть для него я пока всего лишь «малая» и обуза, но он — гарант моей стабильной жизни в будущем. И уверенность в нем придает хоть какой-то смысл настоящему.

Я жду его еще и потому, что он привезет рассказы о брате и беззаботной лондонской жизни, и намеренно, прилагая все силы, стараюсь думать только о нем.

Сегодня мы с Катей собираемся посетить концерт.

В арт-кафе, у истоков создания которого когда-то стояла мама, вечером выступают новомодные мамбл-панк группы: их репертуар состоит из циничных злободневных текстов и

легко вставляющей музыки. Катя уже полмесяца трещит про каких-то Self-harm*: сходить на это сомнительное мероприятие она решилась только ради их сета.

Заехав за мной в заранее оговоренное время, подруга обнаруживает меня в джинсах и футболке и приходит в ужас — загоняет обратно в комнату и переодевает в короткое платье. Мои доводы, что мы, вообще-то, идем на рок-концерт, в расчет не принимаются.

В арт-кафе многолюдно, царит непринужденная приятная атмосфера, на небольшой сцене выступают ярко одетые, красивые мальчики — мы успеваем обсудить каждого, оценить по шкале от одного до десяти внешность и талант и пропустить по три коктейля в баре.

Наконец Катя вскидывает запястье, сверяется с дорожными часиками, привычным нервным жестом заправляет за уши короткие волосы и заговорщицки шепчет:

— Следующие — Self-harm. Подойдем поближе. У них тупева хуча просмотров на YouTube... Их солист... Просто пушка!

Место за барабанами занимает парень внушительных габаритов, обалденный мрачный диджей встает у пульта, а потом к микрофону выходит... Харм, и у меня подкашиваются коленки. Высокий, весь в черном, а в огромных глазах горит дьявольский огонь. Вокруг исступленно пищат девчонки.

Он тащится от своей крутизны и значимости, а мне хочется убить его или убиться самой. Мысли приходят в полный

раздрай: я ожидала увидеть его где угодно, но только не на сцене. Потому что слишком плохо думала о нем.

От страха и чудовищного стыда сводит желудок. По моей вине мы очень хреново расстались, но здесь, в окружении его поклонников, корчить из себя надменную богачку больше не прокатит...

Харм пинает примочку, его гитара ревет, а по моей коже бегут мурашки. Я снова цепенею, подпадаю под гипноз и пропадаю. Нужно поскорее отсюда сбежать, и это будет самым мудрым и вполне привычным решением.

В последний раз оглядываю сцену и вдруг обнаруживаю, что Харм смотрит на меня.

Сердце ухает в пятки, дыхание сбивается. Он смотрит мне прямо в глаза с той самой ухмылкой, которую не раз демонстрировал и которой не раз уничтожал, и выводит голос на полную силу:

— ...Бросаю спичку — гори, я разрешаю,
Попытайся согреть собственную смерть...

Слова его песни опутывают тело как холодные липкие змеи, отчего-то кажется, что вся эта фраза — посыл именно мне. Но кто я такая?..

Вокруг творится невообразимое: парни сходятся в жестком слэме, девчонки впадают в экстаз, плачут и кричат, требуя выступления на бис, но Self-harm после пары номеров освобождают сцену для других музыкантов.

Харм проходит мимо, никак не обозначая, что мы знако-

мы, но шлейф его парфюма преворачивает все в моей душе.

Self-harm... Как я могла быть настолько тупой, чтобы не догадаться, с кем сегодня столкнусь? Почему игнорировала многочисленные ссылки на видео, присланные Катей в нашем чате?

Мрачно напиваюсь в баре, и компанию мне составляет лишь ноющая, еле слышная мигрень, Катя весело трещит с барменом, а Харм и его группа в окружении готовых на все девчонок развлекаются за соседним столиком.

Он широко и светло улыбается. Даже не верится, что он так умеет.

Последний коктейль был явно лишним и колом встает в желудке. Покидаю высокий неудобный стул и на нетвердых ногах направляюсь к уборным.

Вытираю руки бумажным полотенцем, для верности подставляю их под поток теплого воздуха из сушилки и долго смотрюсь в заляпанное зеркало. У меня сильнее, чем я запомнила, вырисовываются скулы, на коже горит нездоровый румянец, глаза ввалились и потускнели.

От выпитого мутит, в венах гудит странное электричество. Харм здесь, в каких-то двадцати метрах, но не замечает меня. Припоминаю, как круто — расслабленно, но профессионально — он держался на сцене, и натурально дрожу. Не знаю, что это: восторг, радость, испуг? И вдруг понимаю, что измотана.

Наклоняюсь над раковиной, умываюсь ледяной водой,

ловлю ее губами и глотаю, и в этот момент над ухом раздаётся горячий шепот:

— Привет, Ника. Давно не виделись.

Выпрямляюсь и резко разворачиваюсь, пытаюсь оттолкнуть того, кто стоит за спиной, но он знакомым жестом перехватывает запястье, умиротворяет порыв и обездвиживает.

И улыбается:

— У меня сегодня премьера сингла. Выступление по случаю. Зал на ушах. Ну как, теперь я чуть ближе к тебе?

— Поздравляю. — Голос предательски пропадает, но я не собираюсь уступать. — Но — нет. Есть уровень, до которого ты никогда не дотянешься. Продолжай работать в кабаках! Я не осуждаю, тебе ведь надо на что-то жить...

Он не дает договорить: заталкивает меня в пустую кабинку, вваливается следом и с грохотом закрывает дверь. Его лицо оказывается в сантиметре от моего, голова кружится, чувства сбоят. Я пьяна и все равно не смогу устоять, так к чему сомнения? Обеими руками хватаю Харма за волосы, притягиваю к себе и впиваюсь губами в губы.

Я пытаюсь сожрать этого подлого, наглого, холодного мальчишку, целую до крови, но моим губам тоже больно: он кусает их. Не хватает воздуха.

Внезапно он отстраняется, тяжело дышит и заглядывает в глаза:

— Как ты?..

Вот оно. Безупречно сыгранное доверие. Поддельная ис-

кренность. Обман.

— Не твое дело, — судорожно шиплю в ответ.

Харм впечатывает меня в стенку кабинки, для верности прижимает плечом и усмехается:

— Ты права, мне плевать. Но ты должна извинение за те тупые слова и швыряние денег.

— Нет... — Услышав это, он сильнее, до треска позвонков, вдавливая мою спину в кафедру, и я рычу: — Я не буду извиняться. Пошел ты!!!

Несколько секунд его полный ненависти взгляд прожигает насквозь, темнеет до непроницаемой черноты и вдруг вспыхивает искрами адского пламени. Он наклоняется, снова находит губами мои губы, но целует их нежно и бережно, настойчиво и долго. Все сенсоры выходят из строя.

Харм опускает руку, проводит ладонью по покрывшейся мурашками коже бедра, сжимает его и поглаживает, задирает подол легкого платья и осторожно дотрагивается до автографа, навечно оставленного на моем теле. К красивому лицу прилипает кривая ухмылка, а пальцы скользят под белье: все ниже и ниже. И ниже. Задают ритм и сводят с ума.

Я задыхаюсь, падаю в темноту, почти теряю сознание, но он... опять останавливается. И вынуждает умолять:

— Харм, я...

— Говори... «Харм, я все осознала. Прости, мне жаль», — шепчет он, и я, словно заколдованная, повторяю за ним эту чертову фразу.

— Мне жаль. Прости!..

— А говорила, что никогда ничего не попросишь... — Он целует меня в щеку. — Хорошая девочка.

Чувствую волну облегчения, закрываю глаза, кусаю губы в надежде, что Харм вернет свою руку туда, где она была минуту назад, и продолжит, но он отступает на шаг и, ангельски улыбнувшись, выходит из кабинки.

Мне почти больно. Я опустошена и хочу его ударить.

— Я же сказала: прости!

— Я подумаю.

Он подмигивает и скрывается за дверью.

Остаюсь одна и упираюсь лбом в холодную шершавую стену. И представляю, как изощренно и медленно убиваю его.

* Самоповреждение

Глава 10

За окном цедит мелкий мерзкий дождь, серые тучи клубятся над черепичными крышами, садовыми деревьями и одинокими елками, до самого горизонта в их плотной завесе не видно просвета.

По полу, цепляясь мертвыми пальцами за лодыжки, ползают озверевшие сквозняки.

Мы с папой завтракаем в сумрачной, тягостно тихой столовой: в ней слишком темно, но никто из нас не встает и не включает свет.

Папа первым нарушает молчание: отпивает воду из высокого стакана, прочищает горло и мягко произносит:

— Ника... Возможно... Очень скоро меня... нас... будут ждать большие испытания. Но ты как никто умеешь с ними справляться, поэтому я спокоен.

— Ты о чем, пап? — недоумеваю, и вилка со звоном падает на фарфор.

Ничто не выбивалось за рамки ежедневной рутины: папа проводил инспекции, оперативно реагировал на обращения жителей, часто выезжал в город, охотно давал интервью. К чему же он клонит?..

— Ни о чем не волнуйся. — Он опережает мои расспросы.
— Просто будь готова какое-то время пожить без меня.
— Пап?.. — ною я. — Как это понимать?

— Мне пора. Опаздываю на встречу. — Отец отодвигает стул, поднимается и поправляет галстук. Желает хорошего дня и спешит к служебной машине.

С тревогой смотрю ему вслед. Что с ним? Что-то стряслось на работе? Или же... проблемы со здоровьем?!

Эфир наэлектризован и потрескивает от дурных предчувствий. Теперь я ощущаю кожей: скоро произойдет беда. Я жду ее, и от страха темнеет в глазах.

Прибираюсь в столовой, загружаю тарелки в посудомойку, стираю с поверхностей пыль, но все равно не нахожу себе места. Мне необходимо отвлечься...

С последней встречи с Хармом прошла неделя, и я окончательно признаю, что нуждаюсь в этом отвратительном существе, ненавидящем меня просто так, за факт существования. Зависимость от него сродни наркотической: только он способен управлять моими мыслями и замыкать их на своей противоречивой персоне, становясь центром мира.

От тяжелых дум ненадолго отвлекает грустное лицо Жени на экране ноутбука и подробный отчет о том, как тухло и тоскливо живет в Лондоне.

— Вот такая ботва... Как ты там? Бережешь себя?..

Стенания брата прерывает Артем: оттесняет того в сторонку и дурашливо скалится в камеру:

— Как завещал великий А.С. Пушкин: «Береги честь смолоду». Бережешь, малая?

— Берегу... — От двусмысленности его фразы моменталь-

но пересыхает горло.

Выдавливаю оптимистичную улыбку и пытаюсь договориться с собой: Артем мой жених. Он имеет право включать контроль. И рано или поздно займется этим уже без шуток.

Еще час сижу в остывающей ванне и чувствую, как гудят мои вены, перегоняющие литры жидкой, ненасыщенной и прозрачной крови: возможно, отравленной. Вожу пальцем по надписи на животе — единственному доказательству того, что Харм все же существует, что он не сумбурный красивый сон, хотя каждый раз оставляет на память лишь похожее смятение эмоций.

И осознание накатывает волной холодного ужаса: с такой отметиной на теле я никогда не решусь переспать с собственным женихом. Потому что не смогу объяснить, как допустила ее появление.

Накануне рейс Лондон — Москва благополучно приземлился в Домодедово, а в эти минуты фирменный поезд из столицы замедляется у перрона родного вокзала.

Покидаю заднее сиденье тачки, принадлежащей будущему свекру, заверяю водителя, что скоро вернусь, и, глубоко вздохнув, шагаю к перрону.

В дверях вагона показывается Артем, и его порядком подзабытый образ мгновенно обретает четкость: холеное лицо, стильная стрижка, умопомрачительные шмотки. Он спрыгивает на асфальт, разводит в стороны руки, и я ныряю в его

объятия.

Как ни странно, мне нравятся уют и спокойствие, которое они дарят.

— Малая, как ты выросла за лето! — восклицает Артем, наконец отстранившись. — Я начал задумываться, а не перевести ли наши отношения на новый уровень?

Широко улыбаюсь, чтобы не показать, насколько сильно его тупая шутка пугает.

В неполные двадцать пять Артем уже преподает в университете, имеет ученую степень, владеет модным ночным клубом. У него огромная квартира в элитной многоэтажке, шикарная машина, потрясное чувство юмора, открытая улыбка...

Но от одной мысли о сексе с ним начинает мутить.

Глава 11

Пригород и окрестности накрыла глубокая ночь, в подвале назойливо пищит сверчок, ветви яблонь царапают крышу. Мне не спится.

Открываю ноутбук и, зажмурившись от яркого света, нажимаю на вызов в «Скайпе».

— Женя, сос! Земля вызывает! Прием!

Через пару секунд на экране расплывается в улыбке полупьяное лицо брата:

— Хай, систер!

— Привет, братик! — Я вытягиваю трубочкой губы и целую фронтальную камеру. — А теперь признавайся, кто надоумил Артема на консумацию?

Глаза братца лезут из орбит.

— Эй! Этот гад уже на что-то намекал? Я ему руки переломаю! — заводится он и едва не роняет смартфон.

— Уймись! Ничего не было!

Заручившись поддержкой Жени, я с облегчением вздыхаю: никто не собирается подкладывать меня под Артема прямо сейчас.

Но брат кашляет в кулак и тут же все портит:

— Мы с Темычем много пили и разговаривали, и он постоянно восторгался твоей «тонкой красотой». Я вежливо попросил его для начала завязать с загулами. А с другой сто-

роны, Ник, у вас уже есть взаимное уважение и симпатия. Может, стоит попробовать повстречаться?

По коже ползет холодок. Отношения с Артемом были для меня чем-то далеким и абстрактным, в запасе оставалась еще пара лет свободы, и я не рассчитывала на сближение так скоро.

— К чему спешка? — Гляжу в родные и далекие глаза брата, так похожие на мамины, и сердце сжимается. Но справиться со всем и искать во всем плюсы — мой конек. И я тепло улыбаюсь.

— Непредвиденные обстоятельства, сестренка... И лучше бы Темыч держался поблизости. Я взял с него слово. — Дурные предчувствия снова отравляют душу, Женя считает мое настроение и взъерошивает пятерней волосы. — Что-то ты дерьмово выглядишь, Ник. Несчастливая любовь настигла?

— От тебя ничего не скроешь, — усмехаюсь, хотя мне вовсе не весело. — Влюбилась. Кажется. То есть... определенно да.

— Ого. Впервые слышу такое от своей благоразумной, осторожной и правильной сестры. Неужто пора прилететь и набить кому-то морду?

Возвращение брата давно является пределом моих мечтаний. Если бы он вернулся, нас бы стало двое, и все проблемы разделились напополам. Он мог бы поддерживать меня не только словами, но и делом. Жаль, что все сложилось именно так...

— Ага, прилети как Черный плащ. И побей ни в чем не повинного человека... — мрачно отшучиваюсь и признаюсь: — Он даже не догадывается, что я по нему сохну. И не обращает никакого внимания.

Брат вздыхает:

— Надо быть п*****м, чтобы не заметить такую красавицу, как ты. Дай ссылку на его профиль. Посмотрю и сразу скажу, стоит он твоих слез или нет.

— У него нет аккаунтов! Хотя... погоди.

Достаю смартфон и нахожу в диалоге с Катей ссылку на видео. Выступление Self-harm, снятое из толпы чьей-то прыгающей нечеткой камерой.

Спустя секунду в далеком Лондоне Женя получает от меня сообщение и пялится в экран.

— Неплохо... — Он внимательно вслушивается в слова песни. — Который из них?

— Тот, что с гитарой.

— Этот чувак? Блин. Маньяк какой-то...

Я фыркаю, но Женя становится странно задумчивым.

— А как его зовут?

— Знаю только погоняло: Харм.

— Ник, морда этого типа кажется мне знакомой. Я где-то его видел... — Брат хмурится и трет висок. — Только вот где?

— Вряд ли. Он не тусуется там, где бываем мы.

— Но я совершенно точно пересекался с ним. И не при

самых приятных обстоятельствах...

Женя в Лондоне почти три года. Сколько в момент его отъезда было Харму? Пятнадцать?..

— Это исключено, поверь мне, братишка! — успокаиваю я, и Женя соглашается:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.